

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 330(075)

ББК 65.5

Ю.Н. Гладкий, В.Н. Бочарников

НОВЫЙ «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И МЕСТО РОССИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ «ПО-КИТАЙСКИ»

Анализируется проект нового «Шелкового пути» Китая, считающийся экспертами одним из важнейших элементов глобальной стратегии КНР. Отмечается судьбоносная роль проекта для многих стран постсоветского пространства, поскольку речь идет о крупных инвестициях, создании трансграничных коммуникационных коридоров, мощных транспортно-логистических узлов и т.д. Позиция России в этой связи заключается в том, чтобы роль постсоветских стран не ограничивалась лишь «железнодорожным хребтом» великого торгового пути, чтобы экономическое лидерство великого соседа не подменилось его политической гегемонией. Подчеркивается, что одна из наиболее серьезных проблем российско-китайских отношений – большой дисбаланс между политическими и торгово-экономическими связями двух стран. Общий объем инвестиций Китая в российскую экономику остается сравнительно невеликим, хотя предпринимательская активность китайцев в нашей стране нарастает и становится все более разнообразной.

Ключевые слова:

глобализация, зоны территориального развития, Евразийский Союз, коридоры «Шелкового пути», Шанхайская организация сотрудничества, «Шелковый путь».

Гладкий Ю.Н., Бочарников В.Н. Новый «Шелковый путь» и место России в глобализации «по-китайски» // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 1. – С. 22–28.

© Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: gladky43@rambler.ru

© Бочарников Владимир Николаевич – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии РАН, Владивосток; e-mail: gladky43@rambler.ru

Исследования глобализации как ведущей тенденции в современной мировой экономике последних десятилетий проводились параллельно с поиском ответов на следующие вопросы: каков диапазон интерпретаций самого понятия «глобализация»; кто были предтечи так называемых «глобализаторов»; для чего задумывались и осуществлялись процессы глобализации; каковы методы и перспективы их воплощения в жизнь; чем это грозит человечеству и т.п.

В современных дискуссиях чаще всего делается акцент на четыре измерения глобализации: *экономическое, технологическое, культурное и политическое*, что обнаруживает явное сходство с определением глобализации, традиционно использующимся в США при подготовке документов под названием «Стратегия национальной безопасности» – «как процесса ускорения

экономической, технологической, культурной и политической интеграции» [13]. (Кстати, введение в начале 80-х годов прошлого столетия в научный оборот термина «глобализация» связывается с именами именно англосаксонских политологов Дж. Маклина, Р. Робертсона, Т. Левита и Дж. Мейера).

Из числа отмеченных измерений глобализации наиболее значимым считается *экономическое*. Оно проявляется в росте транснациональных компаний, расширении финансовых рынков, развитии мировой торговли и т.д. И хотя процесс превращения мировой экономики в единый глобальный рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний начался давно, только на рубеже последних веков стало очевидно, что глобализация «по-западному» цивилизационному варианту больше не видится в радужных тонах и факти-

чески зашла в тупик. Множество фактов свидетельствует о том, что негативные последствия глобализации, являющиеся продуктом деятельности транснациональной олигархии и мирового рынка, многим странам преодолеть не удастся.

С учетом того обстоятельства, что глобальные процессы больше не вписываются в прямолинейную и чересчур оптимистическую концепцию глобализации, США как ее автор и ведущий субъект международных отношений, всерьез задумались о формировании новой глобальной стратегии, означающей новое прочтение стратегии глобального лидерства. Ее очевидная цель – контроль над ключевыми ресурсно-стратегическими регионами мира, за счет чего достигается обладание рычагами глобального управления. Мир вместо «постамериканского» [18], объявляется «плоским» [14], «межполярным» [15] или вообще «бесполюсным» [16], «царством свободы и либеральной демократии», а если кто не воспринимает эти постулаты, объявляется противником глобализации [8].

Не углубляясь в спорные толкования последней, заметим, что в мире кроме США сегодня появились и другие экономически мощные сторонники глобализации, трактующие ее по-своему и предпринимающие конкретные шаги для реализации собственной стратегии роста своего влияния в мире. Речь идет, прежде всего, о Китайской Народной Республике, которая давно уже «вышла» из традиции самообеспечения и намерена осуществить глобализацию «по-китайски». Одним из важнейших элементов объявленной глобальной стратегии КНР («Строительство инновационной, здоровой, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики») является амбициозная мегаинициатива «*Экономический пояс Шелкового пути*» (ЭПШП), реализация которой, по мнению многих экспертов, во многом изменит ситуацию в мире, прочно связав Восток и Запад [17]. Многие считают, что с момента начала активной реализации инициативы «шелкового пояса и шелкового пути», объявленной Председателем КНР Си Цзиньпином в Казахстане в 2013 г. [12], у человечества появится возможность воочию наблюдать «закат глобализации» старого западного толка.

Наглядной ареной подобного «заката» становится, прежде всего, Евразия-континент, переживающая геополитические сдвиги «тектонического» масштаба. Многовековое доминирование Запада, в первую очередь Европы, заканчивается, тем более что спровоцированные им в ми-

нувшем столетии две мировые войны показали исчерпанность силовых способов достижения экспансионистских геополитических целей [3].

Россия, оставаясь в сложных условиях своего противостояния с Западом и активно пытаясь наладить диалог с США, в то же время «отчаянно» нуждается в добрососедских отношениях с Китаем. В статье рассматривается возможное влияние реализации упомянутого долгосрочного проекта на составляющие сравнительно новой геоэкономической биполярной логики в отношениях России и КНР, имеющие отношение не только к социально-экономической сфере, но и геополитической, этнокультурной и экологической.

Корни геоэкономической «ностальгии» Китая. Отразившийся в исторической памяти многих поколений Великий шелковый путь, как известно, представлял собой грандиозный торговый маршрут, проложенный еще во II в. до нашей эры и сыгравший роль источника экономического и культурного обогащения, как Востока, так и Запада.

Сухопутный маршрут, бравший начало в г. Чанъань (нынешний Сиань) и пролежавший через равнину Гуаньчжун, коридор Хэси, Таримскую впадину, вел в оазисы Восточного Туркестана и Ферганскую долину, далее через территорию Северной Персии и Месопотамию выходил к сирийскому городу Гиерополю и, преодолевая Средиземное море, заканчивался в Риме. Конечно, «Шелковый путь», пересекал территорию лишь Российской империи, а не границы нынешней РФ, однако его благотворное влияние на евразийское пространство было очевидно.

Название торговому маршруту дал, естественно, шелк – диковинный для западного мира материал, хотя «путь» с успехом мог быть назван «бумажным», так как именно Поднебесной принадлежит это гениальное изобретение, вытеснившее папирус и пергамент и распространившееся по всему миру. Легендарная трансконтинентальная дорога позволила обмениваться не только шелком (сырцом в нитях и готовыми изделиями) и бумагой. В западном направлении шли караваны с золотом и серебром, драгоценными камнями, пряностями, красителями, экзотичными птицами и зверями, а в восточном, из Центральной Азии и Восточного Средиземноморья – разнообразные шерстяные изделия (ковры, занавесы, покрывала, паласы), предметы византийской и арабской фармакологии, позже – огнестрельное оружие и т.д.

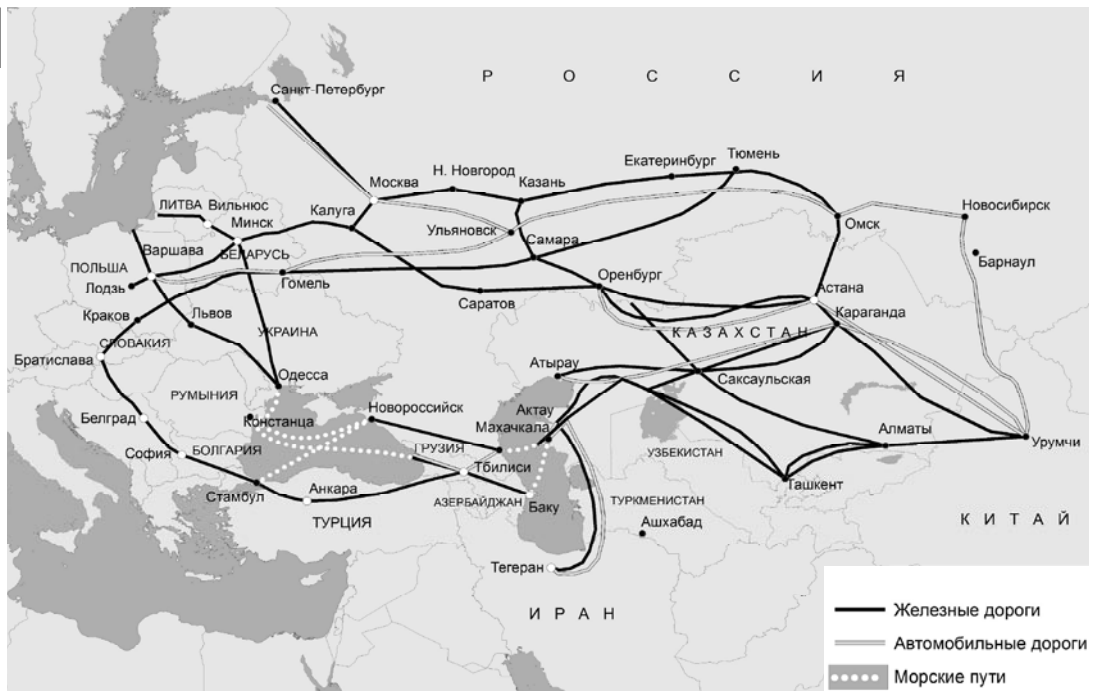

Рис. 1. Северный и Центральный коридоры «Экономического пояса Шёлкового пути» [5].

В обе стороны направлялись пряности и благовония (именовавшиеся «благословенными»), меха, металлические и фарфоровые изделия, лекарства. Истории известны результаты межазиатского общения в сфере архитектуры и градостроительства. Нельзя переоценить роль Шелкового пути в обмене духовными ценностями в области науки, искусства, религии.

По истечении многих столетий интерес к древнему «Шелковому пути» обусловлен поиском новыми суверенными государствами своих геоэкономических ниш, оживлением трансграничной торговли, активизацией инвестиционных процессов с участием экономически окрепшего Китая. Дальновидные власти этой страны прекрасно понимают, что лишь с развитием современной транспортной инфраструктуры удастся существенно расширить емкость своего рынка и раскрыть колоссальный экономический потенциал «придорожных» государств.

Таким образом, в новом проекте прилагательное «шелковый», конечно же, выполняет функцию метафоры, с тем, чтобы отдать дань историческому прецеденту, способствовавшему в свое время сближению Востока и Запада.

Суть и пространственные контуры нового проекта. Оговоримся: речь идет больше о стадии презентации грандиозного проекта «Экономический пояс Шелкового

пути» и медленного согласования позиций заинтересованных сторон. Тем не менее, он уже простимулировал строительство отдельных инфраструктурных объектов в странах евразийского региона, возводящихся «на перспективу». Существенен и тот факт, что китайский проект ассоциируется сразу с тремя «коридорами» Шелкового пути: Северным, Центральным и Южным (морским), из которых в поле нашего зрения лишь Северный «коридор», способный коренным образом изменить геоэкономическую и геополитическую ситуацию в России.

В этой связи напомним: концепция «Нового шелкового пути», выдвинутая председателем КНР Цзиньпином, квалифицируется мировым экспертным сообществом как глобальная экономическая стратегия. Включающая проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» (рис. 1) и «Морской Шёлковоый путь XXI века», она не ограничивается созданием обширной логистической и инфраструктурной сетей от северо-западных границ Республики через страны Центральной Азии, Россию и Иран в Европу, а предполагает реализацию многих других инфраструктурных проектов, призванных опоясать всю планету, соединить КНР транспортными коридорами с Индонезией и Австралией, Юго-Восточной Азией, Ближним Востоком, Тропической Африкой, Латинской и Англо-Саксонской Америкой.

Китай изначально предпринимал попытки реализовать ряд стратегических проектов на платформе ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), объединяющей Индию, Казахстан, Киргизию, КНР, Пакистан, Россию, Таджикистан и Узбекистан. (Из числа стран, проявляющих живой интерес к ШОС – государства-наблюдатели – Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия). Поэтому не случайно ядром «шелкового» проекта стала именно Шанхайская организация, участники которой вместе с представителями Центральной и Восточной Европы неоднократно обсуждали вопросы инвестиционного партнерства и расположения логистических сетей и «центров-полюсов» Экономического пояса.

Анализ официальных документов, выступлений председателя КНР Дзиньпина (в частности, 7 сентября 2013 года с лекцией в одном из университетов Казахстана), материалов экономического форума в Сиане (26.09.2014 г.), посвященного вопросам инвестиционного партнерства и т.д. позволяет заключить, что первоочередным планом действий предусматривается сооружение высокоскоростных транспортных магистралей с использованием инновационных технологий, а также развитие соответствующей инфраструктуры. (Укрепление коммуникационного каркаса Поднебесной происходит под девизом «чем быстрее перемещается население, тем товары быстрее расходятся»). Ожидается, что строительство транспортных магистралей «вдохнет» новую жизнь в развитие региональных центров (не только России, но и государства, прежде всего, ШОС), даст стимулы для расширения потенциала логистики, торговли и туризма, возникновению новых рабочих мест и т.д.

Стремясь заручиться поддержкой своего проекта, Китай энергично осуществляет практику заключения предварительных договоров о присоединении стран к своей инициативе, и таких договоров по всему миру уже заключено не менее 30. Многие эксперты считают весьма заманчивой стороной сотрудничества с КНР – его полную «деидеологизацию», опору на «чистый» бизнес. Однако тезис о «полной деидеологизации» нам представляется спорным, несмотря на то, что представители Поднебесной, в отличие от заокеанских «коммивояжеров», действительно, не «усердствуют» в пропаганде величия своей страны, конфуцианских ценностей и, тем более, идеалов свободы и демократии.

Они привносят инвестиции, новые технологии, рабочие места.

Разумеется, формула сотрудничества зависит от экономического статуса партнера: если в слаборазвитые страны поставляются товары китайского ширпотреба, технология скоростных железных дорог и т.д., то, например, Великобритания, взамен китайским инвестициям и рабочей силе, предоставляет более высокого уровня инжиниринг и промышленных дизайнеров.

Так что же в таком случае удерживает некоторые страны от активного присоединения к реализации планов КНР по созданию «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»?

Ведущие эксперты, оценивающие проект, напоминают, что годы активной экономической экспансии Китая в десятках стран (в том числе, на постсоветском пространстве) обнаруживают признаки стремления *вытеснить национальный бизнес из ключевых сфер экономики*, подчинить его своим интересам. В качестве иллюстрации приведем хотя бы Чехию, ставшую в последние годы своего рода «экспериментальной площадкой» для реализации китайского проекта в Европе.

Прагматичные местные предприниматели видят в сотрудничестве с Китаем отличные возможности для своего бизнеса, и подобная позиция активно поддерживается руководством страны. В Праге уже существует «Институт нового шелкового пути» (!), сориентированный на бизнес с китайскими компаниями. Крупная Шанхайская компания CEFEC приобрела авиакомпанию Travel Service (владеющей крупным пакетом акций ведущего чешского авиаперевозчика Czech Airlines) и крупнейший пивоваренный завод, другая компания – флагман тяжелого машиностроения – Zdas (бывш. Skoda) и его «дочку» – TSPlzen. При этом китайский бизнес очень искусно использует средство, называемой «мягкой силой»: к нему отошла крупная доля в ведущих СМИ, а главный маршрут знаменитого пражского зоопарка теперь будет начинаться с павильона китайских панд, в то время как вольеры с белыми медведями перенесены вглубь парка [10].

В некоторых странах плавное «перетекание» основных фондов в собственность иностранного государства вызывает у национальных элит обоснованное беспокойство. Они полагают, что позволить новому мощному «центру силы» заключить себя в «медвежьи объятия» равноценно

26 | самоубийству. Растущее беспокойство вызывают также повсеместно растущие диаспоры «хуацяо» – важный элемент комплексной мощи «Большого Китая».

Серьезные риски связываются также с состоянием природной среды. В декларации, принятой на семинаре Инициативы «Зеленый Шелковый путь», отмечается: «Мы, представители гражданского общества стран Евразии, считаем необходимым объединить наши усилия, чтобы строительство «экологической цивилизации» стало центральной задачей для интеграционных процессов в Евразии в целом. Мы убеждены, что устойчивое развитие возможно только в том случае, когда в его основе лежат экологически выверенные процедуры стратегического планирования с широким общественным участием» [2]. Эта мысль особенно ярко прозвучала в выступлении директора Эколого-энергетического рейтингового агентства «Интерфакс-ЭРА» А.А. Мартынова, подытожившего: «Шелковый путь – это не дорога, это некая идеология. И вот вопросы экологии в этой идеологии и есть предмет беспокойства» [2].

Место России в глобализации «по-китайски». Итак, новый «Шелковый путь» – это долгосрочный проект КНР, преследующий цель установить новые «торговые мосты», в том числе с лидером евразийской зоны – нашей страной, обладающей особо притягательным для южного соседа природно-ресурсным потенциалом. Являясь локомотивом экономического развития для десятков государств на трех континентах, Китай действительно способен придать ощутимый импульс российским регионам, особенно восточным. Именно поэтому активизация инвестиционного взаимодействия стран-соседей воспринимается Россией в качестве одного из приоритетов развития стратегического партнерства.

Наметившееся в предыдущие десятилетия сотрудничество в сфере лесного хозяйства, добычи минерального сырья и энергетики сегодня расширяется за счет проектов в области сельского хозяйства, строительства, инфраструктуры, автостроения и даже высоких технологий. В реализации проекта новый «шелковый путь» Китаю окажутся весьма полезными многочисленные двусторонние фонды и созданные в последние годы международные банки: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ – создан по инициативе Китая), Российско-Китайский Инвестиционный Фонд (РКИФ) и Новый

банк развития БРИКС (создан по инициативе России).

В числе достаточно крупных проектов с участием китайского капитала, реализуемых лишь на территории, примыкающей к границе с КНР, – центры глубокой переработки древесины в г. Амурске, а также в селах Пашково и Нижнеленинское; рудник по добыче и обогащению железомарганцевых руд на Южно-Хинганском месторождении; горно-металлургический комплекс в Приамурье (в который войдут Кимкано-Сутарский и Олекминский горно-обогатительные комбинаты) [6]. К ним следует добавить заводы по сборке китайских автомобилей и производству автокомпонентов в различных городах Центральной России, торгово-выставочный Комплекс «Гринвуд» в Путилково в Подмосковье, многофункциональный комплекс ЗАО «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге и др. Большой резонанс в средствах массовой информации вызвали российско-китайский проекты «Курорты Северного Кавказа», курорт «Байкал» в Бурятии, строительство жилых комплексов «Мортон» в Балашихе и Лобне и др. [6].

Многие эксперты, как из Поднебесной, так и из России, уверяют, что «шелковая мегаинициатива» – многообещающая возможность для соразвития обеих национальных экономик, особенно – для нашей. Строительство скоростных дорог, логистических систем и многочисленных совместных предприятий, даст возможность, утверждают они, наконец, обустроить необозримые просторы евразийского континента и придать новый толчок российско-китайской интеграции.

Правительство РФ особые надежды возлагает на активное участие Китая в развитии *территорий опережающего развития* (ТОР), на которых устанавливается особый правовой режим ведения бизнеса с предоставлением льготных налоговых условий. В отличие от традиционных «особых экономических зон», ТОР создаются под конкретными крупными инвесторами, которых в КНР множество. Предполагается, что характер деятельности таких территорий будет полностью соответствовать предложению Президента РФ, изложенному им в ежегодном послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 г.: «создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий и зон опережающего экономического развития с особыми условиями для создания несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт».

Этим надеждам, по-видимому, уготována трудная судьба. Анализ первых шагов по созданию таких ТОР, как «Хабаровск» и «Комсомольск» в Хабаровском крае, «Надеждинская» в Приморском крае, «Белогорск» и «Приамурская» в Амурской области, «Михайловская» в Приморском крае, «Беринговский» в Чукотском АО, «Индустриальный парк «Кангалассы» в Якутии, свидетельствует, что в несырьевые производства экспортной направленности китайские бизнесмены инвестировать не торопятся.

Важно отметить и тот факт, что создание упомянутых территорий таит в себе некоторые скрытые риски. По мнению некоторых оппонентов Федерального закона от 3 декабря 2011 года №392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации» [11], территории опережающего развития «создаются не для тех, кто уже работает в регионе, а только для тех, кто еще может прийти в эти территории. А вот кто именно придет и с какими дальними намерениями – это еще большой вопрос, учитывая, в частности, крайнюю неопределенность содержащихся в законе регулятивных положений относительно доли иностранных инвестиций и рабочей силы – мигрантов» [1, с. 73]. Действительно, в законе территории опережающего развития наделяются правами, которыми не обладают даже субъекты Федерации (отмена ограничений для трудовых мигрантов, массовое привлечение иностранных граждан к управлению на территории ТОР и т.д.). Это обстоятельство дает основание некоторым аналитикам называть закон «миной замедленного действия» и даже «правовой формой «китаизации России».

В целом, состояние российско-китайского сотрудничества в экономической сфере пока не свидетельствует о какой-то «исключительности» инвестиций из Китая в Россию, ни по объему, ни по структуре. Согласно официальной статистике ЦБ РФ, в начале второй декады XXI в. крупнейшими инвесторами в экономику нашей страны были Кипр, Нидерланды, Ирландия, Виргинские острова, Багамы, а не соседнее дружественное государство – один из центров экономической мощи в мире. Это выглядит настоящим парадоксом. Конечно, в последние годы отмечена положительная динамика роста китайских инвестиций (особенно на фоне потери прежних позиций «цивилизованными офшорами), но они все еще уступают показателям некоторых стран-инвесторов, с которыми, в отличие от КНР, у нашей страны даже нет

договоров о долгосрочном стратегическом партнерстве.

Многие представители научного экономического сообщества убеждены, что реализация принципов «Шелкового пути» может привести если не к полному вытеснению российского бизнеса из отдельных сфер экономики, то резкому ослаблению его позиций. Аргументы: очевидное стремление китайских инвесторов поставить под жесткий контроль создающиеся транспортные артерии и основные инфраструктурные объекты, в то время как наша страна (и ЕврАзЭС в целом) заинтересована в сопряжении евразийской интеграции и «экономического пояса шелкового пути». Некоторые страны Центральной Азии и Восточной Европы, получая щедрые инвестиции и «безоговорочно» присоединяясь к китайскому проекту, особо не обременяют себя мыслями о возможной утрате экономической самостоятельности. Ясно, что стратегическая позиция РФ в этой связи более продумана и взвешена: «Шелковый путь» – это грандиозный китайский проект, и наша страна не может автоматически присоединиться к нему в качестве «приводного ремня». Россия готова к тесному сотрудничеству с КНР в тех сферах, которые ей интересны и выгодны.

Весьма показательна в этом отношении и позиция некоторых китайских экспертов. Так, в известной Синей книге «Доклад о развитии АТР», опубликованной в 2013 г. Институтом азиатско-тихоокеанской и мировой стратегии Академии общественных наук Китая, излагается откровенная мысль о том, что вероятность восстановления союзнических отношений между Китаем и Россией невелика [9]. Причина этого китайским аналитикам видится в том, что наша страна, с одной стороны, рассматривает Центральную Азию в качестве своей «сферы влияния», с другой – ей, дескать, трудно соперничать с КНР в масштабах реального содействия странам региона в социально-экономическом развитии. Отсюда делается вывод: неизбежность превращения Китая в ведущую силу в Центральной Азии обуславливает пассивную роль РФ в углублении торгово-экономического сотрудничества с Поднебесной [9].

К этому следует добавить, что зависимость КНР от российских энергоресурсов, по всей вероятности, сильно преувеличивается. Согласно данным, импорт нефти из РФ в последние годы составлял лишь около 6%, а природного газа – 4% от всех поставок соответствующих углеводородов [7]. Разумеется, эти цифры могут коле-

баться, но лишь на несколько процентных пунктов, поскольку Китай не планирует чрезмерно зависеть от российских энергоресурсов; к тому же, он обладает потенциально крупнейшими в мире запасами сланцевого газа [4, с. 25]. В долгосрочной перспективе более востребованными окажутся минеральные и лесные ресурсы России, а также пресная вода, пахотные земли.

Отмечая судьбоносную роль проекта «Экономический пояс Шелкового пути» для многих стран постсоветского пространства, подчеркнем: его реализация зависит от согласованности позиций всех заинтересованных государств, чего достичь нелегко. Сам масштаб проекта, разновекторность запросов, борьба государств за свой суверенитет, порождают определенные сложности, объясняющие «точечный» характер инвестиций КНР.

Россия – страна, несопоставимая по своему природно-ресурсному, экономическому, военному и политическому потенциалу с другими государствами на постсоветском пространстве. Поддерживая китайскую мегаинициативу, наша страна рассчитывает на тесное сопряжение евразийской

интеграции и «экономического пояса шелкового пути», на активное участие великого соседа как в развитии наших территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке, так и в реализации целого блока проектов в Южном федеральном округе и других регионах.

Поддерживая широкое участие Китая – экономически наиболее мощного государства макрорегиона – в создании Сообщества Большой Евразии, Россия исходит из того, что экономическое лидерство великого соседа ни в коем случае не должно перерасти в политическую гегемонию. Ведь последнее неизбежно произойдет в том случае, если после введения в строй создаваемых Поднебесной трансграничных коммуникационных коридоров и мощных транспортно-логистических узлов Евразийский Союз превратится в одну из коммуникационных частей китайского суперпроекта для связей с Западной Европой. Как остроумно заметил известный геополитик, нельзя допустить, чтобы «демократическая “петля Анаконды”» была заменена «коммунистической “нитью жемчуга”» [3].

Список литературы:

- [1] Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // Вопросы практической экономики. – 2014, № 2. – С. 72–84.
- [2] Декларация Инициативы «Зеленый Шелковый путь». – Интернет-ресурс. Режим доступа: GreenSilkRoad.ru
- [3] Дергачев В.А. Евразийские коммуникации XXI века // Судоходство. – 1997, № 5–6. – С. 3–18.
- [4] К Великому океану – 2. «Российский рынок в Азии». – Международный клуб Валдай. – 2015, июнь. – 84 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf
- [5] К Великому океану – 3. «Создание Центральной Евразии». – Международный клуб Валдай. Июнь, 2015. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-oceanu-3/>
- [6] Китайский бизнес в России: много, но мало. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://chinalogist.ru/book/articles/analitika/kitayskiy-biznes-v-rossii-mnogo-no-malo>
- [7] Кучук И.В., Фокин Н.И. Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогноз // Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана». – 2012, № 25. – С. 223.
- [8] Сизов В.Ю. Глобализация и стратегия США // Россия–Америка в XXI веке. – 2009, № 3. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.rusus.ru/print.php?id=158>
- [9] Синяя книга: вероятность восстановления союзнических связей между КНР и РФ невелика // «Жэньминь жибао» онлайн. – 27.12.2013. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.russian.xinhuanet.com>
- [10] Сикамова А. Китай наступает // Пражский телеграф. – 26.03. 2017. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ptel.cz/2017/03/kitaj-nastupaet/>
- [11] Федеральный закон от 3 декабря 2011 года №392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации».
- [12] Этот день в истории. Агентство Синьхуа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://russian.cri.cn/3060/2016/09/07/1s589195.htm>
- [13] A National Security Strategy for a New Century. Washington D.C.: The White House. – 1999, December. – P. 1.
- [14] Friedman T.L. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. – New York: Farrar, 2005. – 484 p.
- [15] Grevi G. The Interpolar World: A New Scenario // Occasional Paper. – № 79. – Paris: EU Institute for Security Studies, 2009, June. – P. 5–39.
- [16] Haass. R.N. The Age of Nonpolarity: What Will Follow US Dominance? // Foreign Affairs. Vol. 87. – 2008, № 3. – P. 38–46.
- [17] Ramo J.C. Beijing consensus. – Foreign Policy Centre. The Mezzanine Elizabeth House. – London, 2004. – 74 pp.
- [18] Zakaria F. The Post-American World. – New York: WW. Norton, 2008. – 292 pp.